

Моему отцу

Бабию Петру Марковичу посвящается

Почему я постоянно возвращаюсь мыслями в тот горестный день, день похорон моего отца? Почему я, спустя долгое время, не отпускаю от себя эти воспоминания?

Папе еще не исполнилось 68 лет, когда он умер. Его смерть стала для меня потрясением, и я отказывалась в это верить. Я по сей день стараюсь забыть, как он лежал ничком на дороге, вытянув вперед руку, будто хотел смягчить удар от падения. Видимо, этот инстинктивный жест был его последним — он не пытался встать и умер от обширного инфаркта, возможно, еще до соприкосновения с землей. До сих пор, когда прохожу мимо этого места, мне хочется даже не плакать — выть! В ту ночь шел дождь...

Гроб пришлось заказывать специально: стандартные не были рассчитаны на такие широкие плечи. Я боялась момента, когда

его занесут в квартиру. Говорят, смерть никого не красит. Но папа в модном пиджаке, который он купил, чтобы «пофорсить на старости лет», был просто красавцем. Руки, сложенные по традиции на груди, были прикрыты покрывалом. И все, кто заходил попрощаться, удивленно спрашивали: «А что это у него там?» Наверное, думали, мы положили ему что-то. Нет, все, что нужно, у него всегда было с собой — его большие рабочие руки.

***

Эту историю я слышала много раз от своих родителей.

Когда я родилась, коляску не покупали. Мне говорили, что сделали так специально: свою любимую дочку папа носил только на руках.

Я представляю это столь ясно, словно наблюдаю себя со стороны, — маленькая годовалая девочка в шубке, вязаной пуховой шапочке и игрушечных валеночках стоит, не шевелясь, на ладони молодого мужчины. Папа нес меня на вытянутой руке от «России» до площади Советов (мы тогда жили в коммунальной квартире в доме, где расположен Главпочтамт). За отцом шла испуганная мама и изумленная толпа.

Раз за разом, рассказывая об этом случае, родители не добавляли ничего нового, что говорит о достоверности происшедшего. Героиней рассказа, безусловно, была я. Особо подчеркивалось, как я смело стояла на папиной руке, не обращая внимания на окружающих. А чего мне, собственно, было бояться? Рука ведь была папина!

***

Я училась в первом классе, когда родители купили сад. Садоводство располагалось за заводом «Кристалл» и находилось между лесом и полями, на которых приземлялись самолеты Ан-2 и парашютисты. Асфальтированная дорога заканчивалась у ворот Власихинского кладбища, дальше — грунтовка. После дождя ее размывало, и автобусы до садов не шли. Это было привычно. Мы выходили и бодро маршировали дальше под «Пусть бегут не-

уклюже...». Отчетливо помню случай, как однажды по пути в сад мы проходили мимо застрявшего в грязи мотоцикла с люлькой. Он был несколько в стороне от самой дороги, на поле (что его туда понесло?!). Хозяин безуспешно дергал машину, пытаясь сдвинуть ее с места. Пришедший на помощь отец не подталкивал мотоцикл. Он его практически вырвал из грязи и перенес на дорогу. Мотоциклист был изумлен. А мы (мама, я и младший брат) воспринимали все как должное. Просто ждали в сторонке, чтобы вместе допеть «Прилетит вдруг волшебник...».

***

Папа был обрубщиком литья на котельном заводе. Это тяжелая рабочая специальность. Уверена, если б учился, многого достиг бы. Его сметливый ум, цепкая память потрясали меня всегда. Я хорошо успевала в школе. Мне одинаково легко давалась и литература, и математика. Но если вдруг что-то не получалось, шла к отцу. И не было случая, чтобы он не помог. А ведь за плечами было лишь четыре класса сельской украинской школы.

«В следующий раз пойдешь сама, — заявил однажды отец моей маме, придя со школьного родительского собрания, — о ней там ничего не говорили». «О ней» значило обо мне. И сказано это было в моем присутствии. К тому времени (класс шестой, кажется) я уже могла понимать отца с полуслова. Этой фразы было достаточно, чтобы обо мне начали говорить. На каждом собрании. В восторженных тонах. Ведь папа ждал, что его дочь будут хвалить, и я не могла его подвести! В школах часто говорят ученикам: «Вы учитесь для себя, а не для родителей», имея в виду важность самих знаний, а не просто получаемых отметок. Все правильно. Но лично я училась и для папы. Никогда не забуду, как дрожали его большие руки, когда он открывал коробочку с золотой медалью. Это была и его медаль.

***

Говорят, первая любовь, как правило, бывает несчастной. В моем случае это именно так. Разрыв произошел накануне лет-

ней сессии, перед экзаменом по зарубежной литературе. Внезапно. Неожиданно. Необъяснимо для меня. Как говорится, ничто не предвещало. Удар был такой, что сначала даже не было слез. Только боль. Какой тут, к черту, экзамен!

Родители ночевали в саду. Но утром папа вдруг приехал. Именно вдруг, без определенной цели: с ним у меня была какая-то высшая связь, на уровне подсознания. Он все понял по моим глазам. Тогда мы уже понимали друг друга даже без слов. Отец обнял меня своими ручищами, посадил к себе на колени и качал, прижав, как маленькую девочку. А потом отвез в университет (тогда у нас уже была своя машина) и буквально за руку отвел в аудиторию, где принимали экзамен. И я сдала его, по-моему, даже на «хорошо». Я смогла все пережить. Теперь, когда бывает трудно, обидно, больно, мысленно беру себя за руку и веду вперед. Но, господи, кто же теперь меня погладит по голове и посадит на колени!?

***

В 1985 году, когда я выходила замуж, выкуп невесты считался обязательной частью свадебного обряда (да и сейчас еще имеет место быть). Мой жених и его свидетель были крепкими молодыми людьми. К слову, это были мои одноклассники, они отлично знали всю мою семью. Брат до сих пор не осознает, что ему пообещали за ключ от квартиры. Но факт остается фактом. В то время как подружки невесты стояли у подъезда в ожидании приезда жениха, тот со свидетелем уже спускался с верхнего этажа. План был, конечно, гениален. И он мог бы сработать, если бы...

Дверь была уже открыта, но именно в этот момент мимо проходил мой отец. Он прислонился плечом к двери. Здоровые спортивные мужики оказались абсолютно бессильны. Они не смогли его сдвинуть.

***

Раньше, в эпоху дефицита, папа зимой всегда ходил с голыми руками — для него невозможно было найти перчатки, не было такого большого размера. А когда появились сотовые телефо-

ны, возникла новая проблема: где взять мобильник с очень крупными кнопками? Отцовские пальцы нажимали сразу по две. Я старалась чаще звонить ему сама. После маминой смерти — почти каждый день. Последний раз я говорила с папой по телефону накануне своего отпуска. На вопрос о здоровье он ответил, как всегда — «средне-сибирски».

Первый раз в жизни я взяла отпуск в августе. Мы с мужем собирались выехать на несколько дней на природу, куда-нибудь подальше, в дебри, совместить отдых с рыбалкой. Загрузив машину (новую, еще на гарантии), выехали рано утром. И только миновали Павловск, — бац! Машина встала. Мы даже не поняли. Колесо? Мотор? Что?

До сервисного центра нас тащили на буксире. Оказалось, вырвало кусок литья из самого двигателя. Специалисты пожимали плечами. Удивительно. Не видели такого раньше. Что ж, рыбалка накрылась. Мы вернулись домой.

Ночью начался сильный дождь. Когда раздался телефонный звонок, ливень вовсю бил по подоконнику...

Пока папу не предали земле, мне казалось, будто он просто спит.

Я не плакала, гладила его волосы, лицо, руки.

Я восхищалась им.

Я всю жизнь восхищалась своим отцом.